УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/63/4

Д.М. Миронова

К ВОПРОСУ О СИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

Раскрываются эвристические возможности когнитивной лингвистики в изучении языка как системного феномена. Интерпретируются теоретикометодологические установки когнитивно-дискурсивного подхода в плане их соответствия универсальным основаниям системологии. Особое внимание уделяется различным аспектам концептуальной трактовки лексики, которые соотносятся с универсальными принципами существования систем. По итогам анализа обосновывается научный вклад лингвокогнитологии в понимание системной языковой природы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуализация и категоризация мира в языке, лексическая семантика, принципы существования систем, системология, теория систем, язык как система.

Введение. Постановка проблемы

Построение интегративного описания языка более полувека остаётся актуальной задачей лингвистической науки и сегодня получает развитие в русле антропоцентрического подхода к своему объекту. Введение в поле научного внимания координаты человеческого фактора создало благоприятную почву для обновлений в постановке вопроса о единстве языковой системы, соотношении в ней частей и целого, выделения новых аспектов этого соотношения и качественного своеобразия целого относительно частей. Таким образом, установка на анализ языка в сопряжении со свойствами его пользователя стимулировала дальнейшую разработку холистической проблематики языкознания.

Холизм (от др.-греч. ὅλος – 'целый, цельный'), или философия целостности, имея своим истоком античное наследие, была предложена в первой половине XX в. южноафриканским философом Я. Смэтсом. Основу этой онтологической концепции составил тезис о качественном отличии и приоритете целого по отношению к его частям; в противоположность механистической интерпретации с созданием новых целостностей связывалось эволюционное движение. Из этого следовала закономерная установка изучать объект как целое прежде его отдельных составляющих и свойств [1. Т. 4. С. 299–300]. Позднее, по мере практической апробации этих идей, холистический философский принцип воплотился в универсальную составляющую объективной модели мира, получившую наиболее представительное выражение в общей теории систем – междисциплинарной области, направленной на выявление структурно-функциональных закономерностей систем различной природы.

В этой преемственной связи системологии с философией целостности некоторые исследователи усматривают возврат к синкретическому мировоззрению мифологического сознания, свершившийся, однако, на новой интеллектуально-технической базе [2].

История научного знания свидетельствует об интенсивном формировании системных представлений с середины 19 века через преодоление аналитических методов познания, господствующих в естественных науках того времени. «Назрела необходимость целостного подхода к объяснению материала, накопленного в результате аналитического подхода к предмету» [3]. Накопление знаний и совершенствование методов познания стали движущей силой зарождения и развития научных истолкований системности. Этому способствовала организованность человеческой практики и мышления, проистекающая из системности самого мироздания.

Ко второй половине XX столетия понятие о системе получило статус научной категории, а системный анализ приобрёл широкий аппликативный потенциал как в естественных, так и в гуманитарных науках, поскольку сложные объекты и тех и других обнаружили изоморфные системные характеристики устройства, функционирования и эволюции. В начале XX в. на изоморфизм физических, биологических и социальных феноменов одним из первых указал А.А. Богданов, поместив в фокус научного внимания единообразные связи, организующие природную системность мира [4].

Пришло осознание того, что известные отрасли науки, равно как и сами направления внутри единой дисциплины, «исследуют лишь различные качества одного и того же целостного объекта — системы» на своём «участке» окружающего мира, и, таким образом, системный взгляд способен послужить фундаментальным (инвариантным) исследовательским инструментарием для обеспечения концептуального единства, объяснительности и эвристичности научных описаний [5; 6; 7. С. 5–6]. В этой роли системология предлагает дедуктивные абстрактные схемы и алгоритмы интеллектуального проникновения в существо частнонаучных объектов. Тем самым «все... дисциплины "стягиваются" из своих автономных закоулков в единый иерархический "организм-знание", в единую системно организованную науку» [5].

С развитием мировой науки изучение процедурно замкнутых систем сменилось интересом к реальным, открытым системам, формирующим свои характеристики во взаимодействии со средой, в процессе обмена с ней веществом, энергией и информацией [8. С. 21; 9. С. 94; 10]. К этому времени выработалось несколько пониманий системности соответственно её интерпретациям в онтологическом, гносеологическом или методологическом ключе [11. С. 173–176]. Первая из них исторически первична и наиболее связана с реальностью. Относя системность к сущностным качествам мироздания, она сосредоточена на внешнем проявлении закономерностей и признаков системной природы, существенных для решения некоторого круга задач. Показательной иллюстрацией такого взгляда может служить дефиниция системы, сформулированная В.И. Вернадским:

«...совокупность взаимодействующих... функциональных единиц (биологических, человеческих, машинных, информационных, естественных), связанная со средой и служащая достижению некоторой общей цели...» (цит. по: [8. С. 115]). Ср. также: «...системы суть функционально определённые, структурно упорядоченные и адаптивно реорганизующиеся множества элементов» [5].

Адаптация универсальной платформы теории систем к анализу естественного языка способствовала формированию системного подхода лингвистики (системной лингвистики [12. С. 18–19]), в свете которого язык предстаёт как сложная самонастраивающаяся система, обладающая определёнными функциями. В силу сложности состава, структуры и функций постулируется множественность её описания с помощью построения разноаспектных моделей. По этой причине с очевидностью продуктивным видится объединение достижений, полученных разными направлениями языкознания, что создаёт оправданные предпосылки для взаимодополняющего контакта научных парадигм, когда «ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение» [13. С. 14].

Вместе с тем наблюдается дифференциация существующих эвристик по охвату системно-языковых признаков и способности последовательно и с разной степенью чёткости реализовывать контакт между положениями системологии и конкретными методиками исследования языкового материала. В этом отношении когнитивная теория языка представляется нам по меньшей мере одной из наиболее адекватных и репрезентативных научных программ, открывающих возможность осмыслить системную природу языкового феномена в причинной взаимосвязи ряда её сторон и принципов. По заключению Е.Ю. Смотрицкого, именно необходимое «понимание внутренних связей и механизмов тех или иных процессов в системах», выявление среди них первостепенных, ведущих относительно других закономерностей составляет наиболее сложную проблему системного изучения объектов [2; 14. С. 28].

Существенный вклад лингвокогнитологии в разработку этих вопросов во многом предсказывает сама её центральная задача — построение интегративной теории мыслительно-языкового взаимодействия, «репрезентации и оперирования знанием в языке» [15. С. 5]. Очевидно, что эта приоритетная задача означает сознательный выход исследования в среду функционирования языковой реальности — когнитивный мир человека и, таким образом, предполагает рассмотрение языка как системы открытого типа. По сравнению с подходами традиционной и структурной лингвистики избранный ракурс имеет безусловные преимущества для объяснительной интерпретации устройства и предназначения языковой системы в речемыслительной деятельности.

Важно отметить, что такая «системно-когнитивная» интерпретация языковых фактов отвечает не только успехам отечественной системологии, но и «методологическим основам советской лингвистики, т.е. пониманию того, что развитие языка и сознания неразрывно связано с развитием обще-

ства, с историей народа — носителя языка» [9. С. 93]. По мысли Е.С. Кубряковой, признание когнитивной лингвистики в нашей стране обусловлено её обращением к таким неизменно актуальным темам отечественного языкознания, как соотношение языка и мышления, роль человека в языке и языка для человека, ключевые функции языка [16. С. 11].

Онтологический аспект описания системы в когнитивной лингвистике: общие положения

В приложении к лингвистике онтологический аспект научного описания естественного языка основывается на выделении характеристик его системной природы, относительно которых осмысливаются конкретные факты субстанции, устройства и функционирования языковой системы, устанавливаются закономерности и делаются прогнозы о развитии тех или иных явлений в составе целого. Осуществляется специализация общей теории систем в проекции на лингвистические задачи исследования, её экстенсиональный переход к частнонаучному применению общесистемных принципов, которые наполняются узкоспециальным содержанием [8. С. 56].

Эвристические возможности этой специализации в когнитивной лингвистике определило программное для названной отрасли знаний рассмотрение естественного языка в кругу когнитивных способностей человека, которые сами по себе системны. Значительную роль сыграла вытекающая отсюда постановка вопроса о многоплановом влиянии концептуальной среды на вербальную коммуникацию и, как следствие, о сущностной корреляции мыслительного и языкового. Последовательный учёт этого свойства языка как открытой адаптивной системы, возведение его в ранг основополагающей детерминанты (что весьма характерно для лингвокогнитологии) позволяют с большей полнотой и объяснительной силой охватить различные стороны системно-языковой онтологии, показать глубинное единство, казалось бы, разрозненных фактов антропоцентризма языковой системы, формирование и актуализация которых происходят в неразрывной связи с когницией.

Как свидетельствуют работы лингвокогнитивного порядка, отмеченная природная сопряжённость, существующая между языковой семантикой и миром когниции, на структурном и функциональном уровнях затрагивает целый комплекс характеристик языка, присущих ему как системе. В частности, это иллюстрирует когнитивная трактовка лексического значения, включённого в антропоцентрическую парадигму языкознания. Остановимся подробнее на содержании общесистемных принципов, как оно учтено и представлено в концептуальном анализе лексики.

Аксиомы системологии в зеркале лингвокогнитивных исследований

Универсальные принципы, или аксиомы, существования систем концентрируются вокруг онтологических признаков, которые в совокупности охватывают элементный, структурный, функциональный и регуляционный (кибернетический) срезы описания всякой системы.

Приниип функциональности, наряду с постулатом взаимозависимости системы и среды [17. Т. 3. С. 327–328], обладает главенствующим конститутивным значением, несмотря на то что упоминание о функции, цели появляется в дефинициях системы позже, чем признаки дискретности, структурности и взаимодействия со средой. Сформулированный в трудах П.К. Анохина [3], он обосновывает необходимость целевого содействия элементов системы, полагая, что такая взаимодеятельность ограничивает и упорядочивает связи между ними. Согласно закону композиции Урманцева этот критерий является наиболее ясным, ведущим при выделении системных сущностей в окружающей среде (функциональный критерий качества системы) [18. С. 42]. В этом отношении показательно высказывание Э. Косериу о языке как функциональной системе. По выражению исследователя, язык необходимо понимать «сначала как функцию, а потом как систему <...> поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определённой иели» (выделено нами. – I.М.) [19. С. 156].

Функциональное предназначение системы, по принципу целеполагания, задаётся надсистемой [6] и может быть направлено на самоорганизацию либо изменения в самой надсистеме. Абстрактные (символические) системы, к числу которых относится язык, в своём функционировании ориентированы, прежде всего, на моделирование материальных фрагментов человеческого опыта и в этом смысле призваны «обслуживать» мыслительную деятельность как вторичные реальности, дающие возможность отражать и творить мир. Важнейшей из подобных систем, безусловно, является язык, чья историческая устойчивость в филогенезе ярко свидетельствует об эффективности использования лингвосемиотических средств в процессе когнитивной деятельности (см. принцип оценки качества системы относительно задач надсистемы [20. С. 78, 80]). С точки зрения теории концептуальных исследований в лингвистике главная предпосылка единства его процессов и элементов заключается в способности, взаимодействуя разными «гранями» с концептуальной средой, выполнять когнитивную функцию, т.е. содействовать структурированию сознания, формированию картины мира для наилучшей ориентации человека в окружающей среде [21. С. 235; 22. С. 7]. Следовательно, под ролью посредника между миром и человеком подразумевается такая взаимодеятельность системы языка с концептуальной метасистемой, которая обеспечивает оптимальное включение его носителя в окружающую действительность (природную, социальную) - метасистему более высокого порядка. При выполнении этой задачи язык выступает как уникальная «кодовая» подсистема сознания и мышления, опосредующая для человека реальность. Как следствие, отношение лексических значений к внеязыковому миру также опосредовано его ментальными репрезентациями, концептуально обусловленными структурами [23. С. 151]. Таким образом, когнитивная природа языка и вербальная объективация результатов познавательных процессов соотносятся как сущность и явление.

«Сквозь призму» когнитивной функции в русле обсуждаемого подхода осмысливаются коммуникативная функция языка и роль лексики в ней, поскольку, во-первых, процесс общения всегда задействует определённые когнитивные процессы: «...посредством слова мы... указываем направление процессов концептуализации и категоризации, стремимся "пробудить" знание соответствующих категорий и отношений репрезентации между ними» [24. С. 72]. Во-вторых, принятие экстралингвистических условий и норм общения в конечном счёте достигается также благодаря языковому опыту. На основе этого опыта упорядочивается коммуникативное сознание [25. С. 48–49], направляющее выбор лексических средств при осуществлении дискурсивных практик.

Таким образом, по признаку ведущей цели функционирования, понимаемой как системообразующий фактор, обсуждаемый подход акцентирует когнитивно-коммуникативную природу языка. Она гармонично сочетает в себе значимые для лингвистики аспекты информационного моделирования мира, принципиально нового для сложных систем: психическую репрезентацию данных о мире и передачу знаний в обществе [26. С. 63; 27. С. 11]. В соответствии с этой сущностной логикой новые словесные обозначения «создаются не только для того, чтобы фиксировать результаты познавательной и эмоциональной деятельности человека, но и для того, чтобы сделать эти результаты достоянием других людей» [21. С. 63]. Опираясь на изложенные выше позиции, когнитивная лингвистика признаёт за словом единство сознания, обозначения и коммуникации [28. С. 78].

Реализация в слове этого единства обусловлена характером связи между когнитивным и языковым универсумом. Принцип обратной связи в системологии утверждает причинность поведения систем на основе действия обратной связи, которая задаёт направления адаптивного изменения системных характеристик при воздействии внешних факторов, в частности соотношение внутренней устойчивости (гомеостатичности) и качественной динамики системы [5, 20]. Естественный язык, ориентированный в своём функционировании на ментальную деятельность человека, процессы концептуализации и категоризации мира, демонстрирует «синхронизацию» возможностей структуры и состава с требованиями мыслительных процессов: «...знаки должны удовлетворять требованиям мысли», поэтому язык непрерывно преобразуется в процессе познавательной работы человека [9. С. 96]. Соответственно, допустимо вести речь о природно обусловленной положительной обратной связи языковой системы с когнитивной средой, что имеет в своей основе информационный обмен двух систем и, следовательно, носит характер ресурсной связи. Одновременно внутрисистемное синергетическое приспособление языка под нужды когниции служит примером связей преобразования [20. С. 105].

Частный случай такой положительной «афферентации» представляет факт формирования лексического значения слова с опорой на систему знаний. Тем более предсказуемо, что в истории отечественной науки именно семантический анализ стал отправной точкой, послужил предтечей кон-

цептуальных исследований. Результаты этих исследований на более глубоком объяснительном уровне свидетельствуют о том, что содержательная, собственно репрезентативная [15. С. 7–8], сторона лексики наиболее чувствительно откликается на концептуальные изменения и служит своего рода «входом» воздействия компонентов среды на язык. Конституирующую роль играет основная оперативная единица знания – концепт, поскольку обеспечивает дискретную вербализацию мира и, кроме того, «транслирует» часть своих характеристик с помощью семантических компонентов, явленных в актуальном (речевом) или виртуальном («словарном») виде. Поэтому акт использования слова в речи есть акт лексикосемантической репрезентации концепта.

Обобщая достижения лингвокогнитивных поисков, укажем существенные для лингвистики аспекты положительной обратной связи лексической системы с функциональной стороной концепта.

1. В соответствии с задачей концепта структурировать информацию в сознании носителей языка значение слова обобщённо фиксирует в себе отправные концептуальные признаки, позволяющие человеку классифицировать и различать окружающие объекты при анализе действительности. Стоящие за интегральными (идентифицирующими) семами когнитивные классификаторы лежат в основе мыслительных рубрик опыта, служат ориентирами для конструирования логических категорий разных уровней абстракции и устанавливают взаимосвязи между концептами. Ср.: Смородина — '1. Ягодный кустарник', абрикос — '1. Южное плодовое дерево'; шкаф — '1. Род мебели...', комод — 'Род невысокого шкафа...'; аккуратность — 'Свойство по знач. прил. аккуратный', вдохновение — '1. Состояние творческого подъема' [29].

Помимо этого, как полагают исследователи, дефиниционно выраженные признаки, как правило, отмечены наивысшей психологической яркостью, т.е. носят прототипический характер и принадлежат образцовому элементу естественной категории [21. С. 106] на базовом уровне категоризации. Как следствие, именно они используются при истолковании номинаций видовых членов категории [24. С. 55].

Таким образом, «усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки — мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний...» [30. С. 33].

2. С конструктивной функцией концепта связана также способность лексических значений передавать определённую «когнитивную топологию», или формат знания (чувственный образ, представление или схема, понятие, пропозиция, матрица и нек. др.), что оправдывает введение в лингвистический обиход термина «языковой формат знания». Для сравнения приведём ряд единиц номинативного поля концепта СИСТЕМА, выражающих различные концептуальные форматы с участием лексического значения: множество, группа (формат представления), укреплять систему, построение системы (сценарий), обнаружить систему в чём-либо (инсайт), многоступенчатая, централизованная система, система-

лабиринт, очередь, решётка, пирамида (ассоциаты-схемы), система здравоохранения, системная оппозиция в политике (понятие / фрейм) [31. С. 54, 74, 95, 106, 145, 149].

Изучение языковой конфигурации знаний помогает объяснить наличествующие в языке связи строения с точки зрения «сопряжённости концептов», которая на уровне лексической семантики объективируется разнообразными оппозициями [32. С. 28–29]. Так, например, установлено, что парадигматически связанные между собой слова, скажем синонимы, антонимы, члены ЛСГ или тематической группы, характеризуются принадлежностью одному концептуальному пространству, общей категории или единому фрейму [33. С. 103–104; 34. С. 40; 35. С. 384–385].

В русле когнитивных исследований лексическая полисемия, наряду с фрейм-структурами, трактуется как оптимальный способ хранения «в одной упаковке» информации о связанных фрагментах человеческого опыта [36. С. 24]. Отдельные значения слова упорядочены в естественную категорию и в полевой структуре памяти ранжируются по ядернопериферийному принципу [37. С. 125; 38. С. 134; 39. С. 16]. Такая организация сочетает в себе гибкость и стабильность, благоприятствуя эффективному познанию вариативного, изменяющегося мира [40. С. 288].

Развитие значений, а с ними и самой категориальной структуры соотносимо с движением мысли от некоторого центрального концепта — актуального прототипа, явленного исходным значением, к периферийным членам категории, реализованным семантически мотивированными ЛСВ. В свою очередь, механизмы развития категории, концептуальная метафоризация и метонимизация, манифестированы явлениями лексической метафоры и метонимии; профилирование / перспективизация и дефокусирование — изменением семного состава значений.

Регулярные способы адаптации языковых структур к выполнению коммуникативно-познавательных задач составляют устойчивую композиционную основу для связи с когнитивной средой и, по *принципу структурности* [17. С. 327–328], обеспечивают успешное функционирование языковой системы [23. С. 151; 27. С. 14]. Структура — важнейшая из характеристик систем любой природы, настраиваемая с помощью специальных механизмов.

3. В свою очередь, лексическая репрезентация многообразного содержания когнитивных структур отвечает предназначению концепта, формируя информационную базу сознания, манифестировать познаваемое в комплексе разных сторон сообразно ступеням концептуализации [41. С. 79], а также в соответствии с различными источниками (чувственный, предметно-практический, научно-теоретический опыт) [42. С. 628] и сенсорными каналами восприятия информации. Так, в дополнение к тому, что один и тот же объект может быть представлен разными по содержанию форматами, психологически реальное значение слова нередко сочетает в себе коллективные и индивидуальные, понятийные и энциклопедические, перцептивно-образные и рациональные признаки. В частности, это иллюстрирует

фрагмент полученного нами ассоциативного поля лексемы «система»: Порядок 70, операционная 38, структура 36, государство, механизм 27, власть 19, связь 17, компьютер, политика, солнечная, строй, уравнений 16, врач, группа System of Down, интеграция, компонент, музыкальный строй, паутина, решётка, робот, сбора данных, числа 2, воля, запутанность, ложек, небоскрёб, окутывающий, осей, дифференциальных уравнений, Соссюр, университет 1.

Структурно-содержательная калейдоскопичность концепта [43], семиотически закреплённая в слове, обеспечивает наиболее адекватную «когнитивную обработку стандартных ситуаций» [44. С. 59]. Многокачественность концепта и его номинантов, получившая последовательное освещение в трудах по лингвокогнитологии, представляет нам пример полиморфической модификации компонентов системы и подчиняется принципу её многообразия (чем многообразнее система, тем она устойчивее) [6;18. С. 80].

- 4. Выполняя номинативную функцию и реферируя к отдельным сущностям, лексический знак поддерживает концептуальную фрагментарность информационной базы нашего сознания. Следовательно, выделимость слова в языковой системе имеет предпосылкой его функциональную специфичность в отношении когнитивной деятельности.
- 5. В своём целом лексическая семантика языка репрезентирует отражательно-ориентированную (феноменологическую) часть концептосферы [21. С. 314; 45. С. 42–43], поэтому функционирует как основное средство аккумулирования и передачи *национальной картины мира*, т.е. «исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива... совокупности представлений о мире, определённого способа концептуализации действительности» [46. С. 35].

Наполнение лексической картины мира обыденным или специальным содержанием детерминировано познавательными интенциями носителей языка, имеющими место в ходе повседневно-практической ориентации в мире, с одной стороны, и профессиональной деятельности – с другой. Следующие из этих интенций способы получения, глубина отражения и обработки информации предопределяют вербализованный результат, объективирующий теоретически систематизированное либо несистематизированное знание.

- 6. Понятийный минимум лексического значения, представленный словарной дефиницией, содействует функции концептов организовывать деятельность и поведение человека. Стоящий за словарным значением концепт-минимум (термин А. Вежбицкой) фиксирует минимальный набор признаков, необходимый для существования концепта [47. С. 45]. Тем самым создаётся связующее информационное основание, которое способствует взаимопониманию между участниками языкового коллектива [48; 49. С. 50–51]. Фокусируемая в дефиниции сторона объекта представлена аспектом значения слова [50. С. 45, 51].
- 7. Стратегические модификации концептов с учётом социокультурных и прагматических факторов получают языковое выражение на уровне раз-

граничения значения и смысла, или актуального (языкового) и виртуального (речевого, контекстуального) значений в рамках широкой концепции семантики [51. С. 14, 55]. Включаясь в тот или иной дискурс, лексический знак подвергается актуализационным когнитивным операциям и репрезентирует так называемый ситуативный операционный концепт [15. С. 9, 10]. Этот концепт ориентирован на широкомасштабный экстралингвистический контекст и объединяет в своём составе не только знания говорящего о предмете речи, в том числе фоновые, интерпретирующие концептуальные признаки, но и знание релевантных параметров текущей коммуникативной ситуации.

Вследствие антропоцентричности как сознания, так и мышления человека кооперативная работа двух систем при формировании смысла проявлена по линии языковой интерпретации, т.е. передачи говорящим субъективных аспектов обсуждаемого с опорой на индивидуальный опыт миропонимания. При участии интерпретирующих категорий в процессе вторичной концептуализации смысловая сторона слова обогащается, часто имплицитными, оценочными, экспрессивными, эвиденциальными или иными модусными признаками [52. С. 14–16]. Предельность, интенциональность и избирательность (селективность) внимания как предпосылки индивидуального «членения» мира находят вербальные следы в семном составе и внутренней форме слова, в существовании разноаспектных синонимических обозначений, особенно распространённых в диалектных формах языка. Ср., скажем, наименования корзины, профилирующие её функциональные, вещественные, формальные или объектные признаки: бралочка, набирушка; плетёнка, берестянка; двуушка, каднуха; грибовнииа. ягодница [53. С. 247–248].

Возрастающий интерес концептуальных исследований языка к интерпретирующей активности мышления и субъективному фактору в языке согласуется с принципом неопределённости в теории систем. Не отрицая превосходства организованности над хаотичными изменениями (флуктуациями), он призывает вместе с тем учитывать вероятностные связи и случайности в системе [54], которые применительно к языку во многом обусловлены зависимостью антропоцентрической модели мира не только от первичного информационного потока, но и от структуры психики [6; 20. С. 110]. Функционирование языковой системы при участии индивидуальных когнитивных черт является самодостаточным критерием для отнесения её к числу сложных системных феноменов.

Установка лингвокогнитологии на объяснительный анализ интегративных качеств языка прокладывает путь к более глубокому осмыслению такого свойства холистической организации языка, как эмерджентность. Представление о том, что система — это не конгломерат отдельных частей, а связанная совокупность разнокачественных, но совместимых элементов, взаимодействующих по тем или иным параметрам, было очерчено в концепции Л. фон Берталанфи на примере живых организмов [55]. Спустя десятилетия оно получило широкое хождение в исследованиях иных систем

и, маркируя обязательный характер целостности, воплотилось в общенаучных дефинициях системы. В системологии *принцип целостностии* подчёркивает не только взаимозависимость элементов и их неразрывное единство с целым, но и принципиальную несводимость общего качества системы к сумме свойств её составляющих при любом способе декомпозиции. Это качество генерируется специфическим взаимоналожением параметров, нивелировкой одних из них либо усилением, модификацией других в составе целого [3; 17. С. 327–328; 54].

Анализ предпосылок эмерджентности как в статике результата, так и в динамике с успехом осуществляется концептуальными исследованиями, в том числе применительно к лексической семантике. В поле научного внимания оказываются механизмы интеграции концептов и ментальных пространств, служащие основой непрерывного развития когнитивной среды бытования языка в процессе освоения мира человеком и, как следствие, языковой семантики. В этой связи существенно отметить, что вслед за А.А. Богдановым [4] именно интеграция, т.е. возникновение новых структур из уже имеющихся по принципу развития [54], признаётся одним из главных механизмов эволюции. Подобным образом концептуальная деривация означает «наращение» концептуальной системы за счёт появления новой структуры знания на базе исходных концептов и концептуальных структур [56. С. 132]; при этом согласование, или аккомодация, их характеристик не сводится к суммарному содержанию интегрируемых единиц [57. С. 20].

Ключ к пониманию одного из ярких проявлений языковой целостности — семантической уникальности новообразованной знаковой единицы даёт ономасиологический взгляд на словопроизводство при учёте когнитивных механизмов номинации. В случае первичной номинации закрепление новой пропозитивной структуры знания средствами лексической деривации сопровождается объединением концептов, стоящих за ономасиологическими категориями признака, базиса и предицирующей связки производного слова [21. С. 407, 425]. Актуализация энциклопедических характеристик этих концептов и их последующее согласование с участием механизмов достраивания или развития передаваемой структуры знания могут наделять значение слова эмерджентным свойством фразеологичности (столбенеть, регулировщик, попугайничать; ginhound 'привычный пьяница' [56. С. 136–137] и многие другие).

В свою очередь, при семантическом словопроизводстве языковой механизм вторичной (метафорической) номинации есть манифестация конвенционального или субъективного проецирования характеристик / структур опорного концепта (области-источника) на уточняемый концепт (областьмишень) [58. С. 107]. В этом случае специфика метафорического ЛСВ по сравнению с исходным, по мнению Л.А. Сергеевой, сводится к механизмам обработки опорного фрейма, среди которых полная / частичная активизация слотов (выделение, наведение одних и элиминирование других), преобразование содержания слота «под нужды» области-мишени и нало-

жение изменённых фреймов (модификация / амальгирование слотов) [34. С. 88–89]. Так, ассоциативная связь значений 'Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом' и 'О хитром, льстивом человеке' в семантической структуре слова «лиса» устанавливается совмещением фреймов ЛИСА и ЧЕЛОВЕК при помощи механизмов выделения слота 'повадки' опорного фрейма, его модификации ('повадки животного' — 'поведение человека') и амальгирования с характеристиками поведенческого слота целевого фрейма [Там же. С. 164].

Речевая, в том числе интерпретирующая, актуализация лексических средств составляет другую сравнительно разработанную область описания *целостных* свойств языка в терминах концептуальной интеграции и семантического расширения. На фоне словарного значения актуальный смысл слова рассматривается как целостный продукт установления межконцептуальных связей в соответствии с интенциями говорящего при развёртывании речи. Конструируемое ментальное пространство при смыслообразовании представляет собой итог ситуативного развития стоящего за словом концепта, «динамическую сущность, которая не дана заранее, а возникает в процессе... концептуальной обработки прошлой или текущей ситуации на основе уже имеющихся знаний и опыта, в том числе индивидуального опыта» [59. С. 35].

Заключение

Проведённый анализ на примере некоторых аспектов концептуального изучения лексики позволил более развёрнуто представить достоинства теоретических позиций лингвокогнитологии с точки зрения их адекватности системным свойствам языка. Оправданный выбор когнитивного фактора в качестве системообразующего выразился в преодолении ограничений, характерных для узкого эмпиризма и господствующего структурализма доантропоцентрической лингвистики в историческом движении познания от элементарной (субстанциональной) ступени через структурную к собственно системной. Развиваемый в лингвокогнитологии подход привёл к возможности моделировать факты языка на перекрёстке системных принципов, раскрывать его характеристики как открытой системы на едином основании – в соотнесённости с процессами концептуализации и категоризации мира, а значит, и проникать в глубинную сущность языковых явлений, выявляя их причинность, предсказывая векторы развития. Одновременно он способствует более целостному охвату материала, позволяет методологически выверенно сопрягать в исследовании разные аспекты языковой реальности, ингерентные и коммуникативные факторы; гармонично сочетать «структурно-функциональную организованность и структурно-функциональную изменчивость» языковой природы [9. С. 94–95]. В совокупности всё это приближает исследователей к разгадке «чёрного ящика» организованной сложности естественного языка. В свете вышесказанного когнитивная лингвистика рисуется как проявившийся на новом

парадигмальном уровне шаг в становлении системных исследований языка, что, на наш взгляд, дополнительно подкрепляет её состоятельность и научную стройность.

Литература

- 1. Холизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 4. 736 с.
- 2. Смотрицкий Е.Ю. Становление системного мышления в первой половине XX века. URL: http://www.metodolog.ru/00510/00510.html
- 3. *Анохин П.К*. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. URL: http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm
- 4. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. 1, 304 с.
- 5. Борзенко И.М. Наука глазами системолога. URL: http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html
- 6. *Ермак В.Д.* Системы. Системые принципы. Системный подход. URL: http://www.fonema.ru/library3.php?iq=show&lb id=16
- 7. Rousseau D. On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles // Systems. 2018. Vol. 6 (1). P. 1–17.
 - 8. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
- 9. *Арнольд И.В.* Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. СПб., 1999. С. 92–105.
- 10. Сосновский Д.Р. Человек как система // Свобода лучше несвободы? URL: http://drsosnov.ru/System.html
- 11. Агошкова Е.Б., Ахлибинский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
- 12. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
- 13. Γ ак B. Γ . Языковые преобразования. М. : Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.
 - 14. Карпов В.А. Язык как система. Минск : Выш. шк., 1992. 302 с.
- 15. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5–13.
- 16. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
 - 17. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. 692 с.
- 18. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С. 38–124.
- 19. *Косериу* Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 143–343.
- 20. Крайнюченко И.В., Попов В.П. Системное мировоззрение: Теория и анализ. Пятигорск.: ИНЭУ, 2005
 - 21. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- 22. *Тармаева В.И.* Когнитивная гармония и асимметричный знак в повествовательном дискурсе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Серия «Филология». 2010. № 3. С. 7–15.
- 23. Fauconnier G. Domains and connections // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, N 1. P. 151–174.
- 24. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 25–77.
 - 25. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

- 26. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2005. Вып. 30. С. 43–72.
- 27. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
- 28. *Шарандин А.Л.* Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 75–81.
 - 29. Малый академический словарь. URL: https://gufo.me/dict/mas
- 30. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28–34.
- 31. Миронова Д.М. Концептуальные основы репрезентации системности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 257 с.
- 32. Гольдберг В.Б. Динамический аспект лексической оппозиции как когнитивная основа образного сравнения // Взаимодействие мыслительных и языковых структур. Тамбов, 2010. С. 28–34.
- 33. *Ефремов В.А.* Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.
- 34. Сергеева Л.А. Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. Вып. 12. С. 163–166.
- 35. *Janda L.A., Solovyev V.D.* What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20-2. P. 367–393.
- 36. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- 37. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тез. М., 2001. С. 124–128.
- 38. Langacker R.W. A usage-based model // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 127–161.
- 39. *Taylor J.R.* Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison // R. Dirven, J. Vanparys (eds.). Current Approaches to the Lexicon. Frankfurt-am-Main etc.: Peter Lang, 1995. P. 3–26.
- 40. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–322.
- 41. Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 78–96.
- 42. Langaker R.W. A dynamic view of usage and language acquisition // Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20-3. P. 627–640.
- 43. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 c.
- 44. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
- 45. *Красных В.В.* Лингво-когнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2000. Вып. 12. С. 41–45.
- 46. *Вежбицкая А.* Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
 - 47. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с.
- 48. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. URL: https://www.twirpx.com/file/329535/
- 49. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
- 50. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с.

- 51. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 352 с.
- 52. *Панасенко Л.А.* Интерпретирующий потенциал лексических категорий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 42 с.
- 53. *Шумилова А.А.* Словообразовательно-пропозициональная синонимия русского языка // Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство. М., 2011. С. 244–256.
 - 54. Гутгарц Р.Д. Принципы системного подхода. URL: http://mei07.narod.ru/index/0-9
- 55. *Bertalanffy L. von.* General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y.: George Braziller, Inc., 1968. 289 p.
- 56. *Бабина Л.В.* Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 128–149.
- 57. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- 58. Голь∂берг В.Б. Способы концептуализации в лексике // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 97–127.
- 59. *Козлова Л.А.* Авторская метафора и её роль в репрезентации доминантного смысла текста (на материале эссе Джона Фаулза «The Tree») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 34–40.

On the Systemological Adequacy of a Cognitive Approach to Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 64–82. DOI: DOI: 10.17223/19986645/63/4

Diana M. Mironova, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: mir-lina@yandex.ru

Keywords: cognitive linguistics, language conceptualization and categorization of world, lexical semantics, principles of systems existence, systemology, general systems theory, language as system.

The study deals with systemological foundations underlying a cognitive-discursive approach to language that contributes to the heuristic value of linguocognitology for a deeper comprehension of the language systemic nature. The exploratory interest in this problem is stimulated by the relevance of a full-fledged and adequate description of language's essential properties, which can be achieved in compliance with the general scientific tools of the systems theory. System analysis has acquired a wide applicative potential and has now confirmed its explanatory validity due to the discovery of isomorphic characteristics of natural, humanitarian and social sciences in the second half of the 20th century. The focus is placed on the ontological aspect in the interpretation of systematicity, aimed at uncovering consistent patterns in organizing the unity of natural language, related to identification lines of multilateral and causal relationships of its composition, structure and functions. From this viewpoint, the article considers system characteristics, such as functionality, emergence, polymorphism and some others, which have been developed in the framework of linguocognitive conceptions about the thought-language interaction. The analysis involves the maxims of the systems existence that specify lexical phenomena in the close connection between language and cognition. The research is carried out on the material of theoretical and methodological principles of the cognitive-discursive paradigm in linguistics, which are presented in Russian and foreign works. A special attention is paid to concept-oriented knowledge of the word and its practical application to the study of language facts. The selection, comparison and systemology identification of the material were made using the descriptive research method implemented by actions of observation; comparison, generalization, and interpretation, respectively. The descriptive method was supplemented with elements of lexical units' conceptual analysis when it came to selecting and presenting illustrations. According to the aim, at all stages of the examination, a combination of deduction, system and axiomatic methods is used. The results of the analysis have revealed the mutual congruence of the systemological and linguistic-cognitive principles and thus have allowed to discover a clearly systemic character of scientific inquiry realized by linguocognitology. Its background is ontologically commeasurable choice of the backbone, mental, factor of linguistic unity with consideration of language among cognitive abilities. The allowance for the environment of the language system "habitation" promotes finding new and productive rethinking of already known phenomena and features of the language from the perspective of thought–language interaction, a leading quality which determines the ways of their formation and functioning in the open system. This shift in research emphasis creates a ground for overcoming the limitations of narrow empiricism and the dominant structuralism of pre-anthropocentric linguistics in the historical movement of cognition from the substantial stage through the structural to the holistic-system approach.

References

- 1. Nikiforov, A.L. (2010) Kholizm [Holism]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
- 2. Smotritskiy, E.Yu. (n.d.) Stanovlenie sistemnogo myshleniya v pervoy polovine XX veka [The formation of systemic thinking in the first half of the 20th century]. *Metodolog.ru.* [Online] Available from: http://www.metodolog.ru/00510/00510.html.
- 3. Anokhin, P.K. (1973) *Printsipial'nye voprosy obshchey teorii funktsional'nykh sistem* [Fundamental questions of the general theory of functional systems]. [Online] Available from: http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm.
- 4. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tektology: General Organizational Science]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
- 5. Borzenko, I.M. (2001) *Nauka glazami sistemologa* [Science through the eyes of a systems analyst]. [Online] Available from: http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html.
- 6. Ermak, V.D. (2003) *Sistemy. Sistemnye printsipy. Sistemnyy podkhod* [Systems. System principles. System approach]. [Online] Available from: http://www.fonema.ru/library3.php? iq=show&lb id=16.
- 7. Rousseau, D. (2018) On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles. *Systems*. 6 (1). pp. 1–17.
- 8. Uyomov, A.I. (1978) Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya system [Systems Approach and General Theory of Systems]. Moscow: Mysl'.
- 9. Arnol'd, I.V. (1999) Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodeystviya sistemy i sredy [Modern linguistic theories of the interaction of the system and the environment]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 92–105.
- 10. Sosnovskiy, D.R. (n.d.) *Svoboda luchshe nesvobody?* [Is freedom better than unfreedom?] [Online] Available from: http://drsosnov.ru/System.html.
- 11. Agoshkova, E.B. & Akhlibinskiy, B.V. (1998) Evolyutsiya ponyatiya sistemy [The evolution of the concept of a system]. *Voprosy filosofii Problems of Philosophy*. 7. pp. 170–179
- 12. Arnol'd, I.V. (1991) Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 13. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
- 14. Karpov, V.A. (1992) Yazyk kak sistema [Language as a System]. Minsk: Vysshaya shkola.
- 15. Boldyrev, N.N. (2013) On the integrative theory of linguistic representation of knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 5–13. (In Russian).
- 16. Kubryakova, E.S. (2004) Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the precepts of cognitive science and current

- problems of cognitive linguistics]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics. 1. pp. 6–17.
- 17. Sadovskiy, V.N. (2010) Sistema [System]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
- 18. Urmantsev, Yu.A. (1988) Obshchaya teoriya sistem: sostoyanie, prilozheniya i perspektivy razvitiya [General Theory of Systems: state, applications and development prospects]. In: Tyukhtin, V.S. & Urmantsev, Yu.A. (eds) *Sistema, Simmetriya, Garmoniya* [System, Symmetry, Harmony]. Moscow: Mysl'. pp. 38–124.
- 19. Koseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. In: Zvenigtsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Is. 3. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. pp. 143–343.
- 20. Kraynyuchenko, I.V. & Popov, V.P. (2005) *Sistemnoe mirovozzrenie. Teoriya i analiz* [Systemic worldview. Theory and analysis]. Pyatigorsk: Institute of Economics and Management.
- 21. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 22. Tarmaeva, V.I. (2010) The cognitive harmony and asymmetric sign in a narrative discourse. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. Seriya "Filologiya" Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V.P. Astafev. Series: Philology.* 3. pp. 7–15. (In Russian).
- 23. Fauconnier, G. (1990) Domains and connections. *Cognitive Linguistics*. 1 (1). pp. 151–174.
- 24. Boldyrev, N.N. (2009) Conceptual basis of language. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 25–77. (In Russian).
- 25. Popova, Z.D. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok–Zapad.
- 26. Cherneyko, L.O. (2005) Bazovye ponyatiya kognitivnoy lingvistiki v ikh vzaimosvyazi [Basic concepts of cognitive linguistics in their interconnection]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 30. Moscow: OOO "MAKS Press". pp. 43–72.
- 27. Evans, V. & Green, M. (2006) *Cognitive Linguistics. An introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- 28. Sharandin, A.L. (2013) The dynamic character of conceptualization and categorization as a basis of a human's speech activity. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 75–81. (In Russian).
- 29. *Malyy akademicheskiy slovar'* [Small Academic Dictionary]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/mas.
- 30. Kubryakova, E.S. (2001) Razmyshleniya o sud'bakh kognitivnoy lingvistiki na rubezhe vekov [Reflections on the fate of cognitive linguistics at the turn of the century]. *Voprosy filologii*. 1 (7). pp. 28–34.
- 31. Mironova, D.M. (2016) *Kontseptual'nye osnovy reprezentatsii sistemnosti v sovremennom russkom yazyke* [Conceptual foundations of representation of systemacity in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Tambov.
- 32. Gol'dberg, V.B. (2010) [The dynamic aspect of the lexical opposition as the cognitive basis of figurative comparison]. *Vzaimodeystvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Interaction of mental and linguistic structures]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tambov. 28 May 2010. Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 28–34. (In Russian).
- 33. Efremov, V.A. (2009) Teoriya kontsepta i kontseptual'noe prostranstvo [Theory of the concept and conceptual space]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 104. pp. 96–106.

- 34. Sergeeva, L.A. (2017) Metaphor as a cognitive mechanism of forming of axiological concepts. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 163–166. (In Russian).
- 35. Janda, L.A. & Solovev, V.D. (2009) What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS. *Cognitive Linguistics*. 20–2. pp. 367–393.
- 36. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and language extension mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 37. Abramov, V.P. (2001) [Theory of associative field]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Fate and Modernity]. Proceedings of the I International Congress of Russian Language Researchers. Moscow. 13–16 March 2001. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 124–128.
- 38. Langacker, R.W. (1988) A usage-based model. In: Rudzka-Ostyn, B. (ed.). *Topics in Sognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. pp. 127–161.
- 39. Taylor, J.R. (1995) Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison. In: Dirven, R. & Vanparys, J. (eds.). *Current Approaches to the Lexicon*. Frankfurt-am-Main etc.: Peter Lang. pp. 3–26.
- 40. Rakhilina, E.V. (1998) Kognitivnaya semantika: Istoriya. Personalii. Idei. Rezul'taty [Cognitive semantics: History. Personalities. Ideas. Results]. In: Uspenskiy, V.A. (ed.) *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Is. 36. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 274–322.
- 41. Magirovskaya, O.V. (2009) Urovni kontseptualizatsii v yazyke [Levels of conceptualization in language]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 78–96.
- 42. Langaker, R.W. (2009) A dynamic view of usage and language acquisition. *Cognitive Linguistics*. 20–3. pp. 627–640.
- 43. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
- 44. Maslova, V.A. (2008) *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
- 45. Krasnykh, V.V. (2000) Lingvo-kognitivnyy podkhod k kommunikatsii [Linguistic-cognitive approach to communication]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 12. Moscow: Izdatel'stvo Dialog-MGU. pp. 41–45.
- 46. Vezhbitskaya, A. (2000) Yazykovaya kartina mira kak osobyy sposob reprezentatsii obraza mira v soznanii cheloveka [Linguistic worldview as a special way of representing the worldview in human consciousness]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 33–38.
 - 47. Frumkina, R.M. (2003) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
- 48. Ivanova, S.V. (2003) *Lingvokul'turologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinits* [Linguoculturological aspect of the study of linguistic units]. Philology Dr. Diss. Ufa. [Online] Available from: https://www.twirpx.com/file/329535/.
- 49. Vygotskiy, L.S. (1956) *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech'* [Selected Psychological Research: Thinking and Speech]. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences.
- 50. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [The lexical meaning of the word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.
- 51. Kobozeva, I.M. (2009) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: LIBROKOM.
- 52. Panasenko, L.A. (2014) *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy* [Interpretative potential of lexical categories]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

- 53. Shumilova, A.A. (2011) Slovoobrazovatel'no-propozitsional'naya sinonimiya russkogo yazyka [The word-formation-propositional synonymy of the Russian language]. In: Araeva L.A. et al. *Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola: Traditsii i novatorstvo* [Kemerovo Derivatological School: Traditions and Innovation]. Moscow. pp. 244–256.
- 54. Gutgarts, R.D. *Printsipy sistemnogo podkhoda* [The principles of a systems approach]. [Online] Available from: http://mei07.narod.ru/index/0-9.
- 55. Bertalanffy, L. von. (1968) General System Theory: Foundations, Development, Applications. New York: George Braziller, Inc.
- 56. Babina, L.V. (2009) Kontseptual'nye osnovy slovoobrazovaniya [Conceptual foundations of word formation]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 128–149.
- 57. Boldyrev, N.N. (2006) Linguistic categories as a format of knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 5–22. (In Russian).
- 58. Gol'dberg, V.B. (2009) Sposoby kontseptualizatsii v leksike [Methods of conceptualization in vocabulary]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 97–127.
- 59. Kozlova, L.A. (2015) The author's metaphor and its role in representing the dominant concepts of the text (on the material of John Fowles' essay "The Tree"). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 34–40.